

Автор знаменитого
мультфильма начинает

**Александр
КУРЛЯНДСКИЙ:**
**Я опубликую
первые главы
книги,
а финал
пусть
попробуют
написать
читатели
«Вечерки».**
**Лучшие
будут
премированы**

НОВЫЙ СЕРИАЛ НА СТРАНИЦАХ «ВМ»

Владимир НУЗОВ

— Александр Ефимович, расскажите, пожалуйста, как вы стали: а) писателем; б) сатириком, или а) и б) появились одновременно?

— Одновременно, и произошло это в 7-м классе, когда я выпускал рукописный журнал под названием «Клизма». Это был свернутый в 4 раза тетрадный листок — как шпаргалка. Там были карикатуры на наших учителей, эпиграммы, он пользовался популярностью, ходил по рукам. Но однажды классная руководительница его прижучила — в каком-то месте задолбал особенно сильный «одпольный» хохот — и обнажила карикатуру на себя. Тут послала меня за родителями, а так сказать, мой опыт «диссидентства».

— Сколько книжек у вас вышло о сей момент и сколько выйдет в ближайшее время?

— Вышло пять детских и две книжки для взрослых, в которую

вошли повести «Моя бабушка — ведьма» и «Город неудачников», а также триллер «Тайны кремлевских подземелий» — пародия на ельцинские времена. Моя новая работа, которую я предлагаю читателям «Вечерней Москвы», — «Тринадцатая ножка Буша» — тоже написана в жанре пародийного боевика, триллера. Несколько слов о рукописях, только что законченных. Это «Необыкновенные приключения в деревне Огрызки. Записки бывшего алкаша». Сюда вошли мои армейские воспоминания, и, наконец, самое-самое последнее — это повесть «Чуки-куки». Она для ребят и для взрослых — совершенно странная, очень дорогая мне история.

— Вас никогда не смущал вопрос Мандельштама: «А чего все острят? И так все смешно»?

— Не смущал — потому что не всем все смешно. Жизнь настолько объемна, что каждый видит свое: одни плачут, другие смеются, третьи — и то и дру-

гое. Это зависит и от таланта проживающих эту жизнь, и от таланта воспроизводящих ее в творчестве. Одни видят смешное, другие — трагическое, третьи — драматическое, четвертые — мелодраматическое. Каждому — свое, а писатели в силу своего мироощущения воплощают в своих произведениях то, что им ближе.

— Мне кажется, случилась еще такая вещь: чувство юмора стало едва ли не обязательным признаком интеллигента. А вот у Льва Николаевича Толстого его, по воспоминаниям, не было...

— С Толстым я не был знаком, хотя сейчас с удовольствием перечитываю его дневники. Чувство юмора все-таки — это показатель интеллекта. Я даже придумал такой слоган: скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу, кто ты. Потому что одни, например, бузумно смеются от того, что кто-то поскользнулся, упал и треснул головой об асфальт, другие... Юмор — очень интел-

лектуален, если говорить о юморе со сцены, то должен смеяться зрительный зал, а не исполнители. И вообще: в чем отличие юмористической ситуации от драматической? В комедии зритель умнее актера: он знает, что произойдет, раньше актера. А в драматическом произведении актер ведет зрителя: он знает, а зритель остается в неведении.

— Вам не кажется, Александр Ефимович, что советская власть, помимо объективных причин, рухнула еще и оттого, что делала все на страшном серьезе, без легкости, без юмора?

— Тоталитарный режим чувству юмора не способствует, это факт. Стригут всех под одну гребенку, смешки и смешочки подозрительны, можно вспомнить, сколько писателей погибло, сколько держали в черном теле: вспомним хотя бы Зощенко, Булгакова. Тоталитарный режим над собой не шутит или позволяет шутить до вполне определенной границы.

— В то же время при советской власти тем для сатиры было хоть отбавляй. А сейчас — дефицит?

— Мы, молодые писатели — шестидесятники, всю эту брехню ненавидели, искренне против нее выступали. Оценивая сейчас то наше творчество, я думаю, что главная наша заслуга состояла в том, что между нами и читателями или зрителями устанавливалось какое-то особое понимание, некий нравственный климат. Обе стороны понимали: то, что происходит, — это и смешно, и плохо. Мы настраивали ухо или глаз читателя таким образом, что он видел или слышал правду. В этом и была наша нравственная задача. Что касается сегодняшнего дня... Ну скажите, ищет ли Михаил Жванецкий темы для своих вещей? Художник живет в этой жизни, пропускает все через себя, а темы для него действительно носятся в воздухе.

— Есть ли, по-вашему, запретные темы, то есть затасканные: о

теще, например, юмор ниже пояса и т. п.?

— Запретных тем нет. Есть пошлость и тонкость, вкус и грубость. Обо всем можно сказать смешно и весело, существует твой внутренний цензор, имя которому — вкус.

— Вы сочинили какую-нибудь байку, анекдот, которые стали народными, то есть автор потелся?

— Мне кажется, сочинил. Во времена шпиономании мы с Хайтом написали пародию на детектив под названием «Верблюды пошли на водопой». Там есть такая шутка: «Что? Вы шпиона ищете? Так он этажом выше». И еще: собираются люди на вечеринку, один собирается принести фрукты, другой — напитки, а третий говорит: «А я приду с приятелем». Было и еще что-то.

— Кого из малоизвестных писателей-сатириков вы посоветовали бы почитать? И кто из современников вам по душе?

— Из малоизвестных — послереволюционного писателя Пантелеймона Романова. Я открыл его совершенно случайно — блестящий писатель! Ну а из современных писателей я одного уже назвал — Жванецкого, назову и второго — Войновича. В «Чонкине» есть гениальные странички: Горин, Арканов, Розовский, Славкин — люди моего поколения, у нас много общего.

— Кое-кто из ваших коллег уехал. У вас не было такой мысли — эмигрировать?

— Уехал наш соавтор Феликс Камов, но его пример меня не заразил. Мне хорошо в Москве, это мой родной город, и хотя времена бывали всякие, уезжать из него я не собираюсь. Есть мысли продолжить серию «Ну, погоди!», сделать фильм «Про попугая Кешу» и так далее. А когда становится совсем тоскливо, встречаюсь с ребятами, показываю им свои мультфильмы, читаю короткие вещи — у меня это неплохо получается. В Америке я бывал много раз, там живут моя сестра с мужем и любимым племянником, и жизнь у них, даже после того как они встали на ноги, весьма и весьма непростая.

— Наша газета начинает публикацию «Тринадцатой ножки Буша». Что вы можете сказать об этой вещи?

— Рассказывать о ней не буду, но мне пришла в голову, кажется, удачная идея: я опубликую первую часть книги, а вторую часть, то есть финал этой истории, пусть попробуют написать ваши читатели. Лучшие продолжения «Ножки Буша» будут опубликованы и премированы.

— Ну что ж, Александр Ефимович, мне кажется, ваш вызов нашим читателям, обладающим отличным чувством юмора, примут. Спасибо за интервью.

4 июня 2001г.
Александр Курляндский